

Д.Б. КАЗАРИНОВА, Н.А. ДУНАМАЛЯН*
ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ
ПОСТСОВЕТСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ:
ПОДХОДЫ, МОДЕЛИ, ТЕНДЕНЦИИ¹

Аннотация. Развитию идентичностей стран постсоветского пространства посвящен большой массив научной литературы, исследование которой позволило авторам осуществить поиск общей логики и различий в развитии идентитарных процессов в странах постсоветского пространства. Выдвинута гипотеза, что с помощью анализа содержательных элементов политики памяти и символической политики, а также их структурных взаимосвязей можно выделить модели постсоветской идентичности и сделать выводы о векторах ее развития. Визуализация ключевых месседжей в рамках символической политики и политики памяти стран постсоветского пространства (облака тэгов), а также данные экспертного опроса (N 12) позволили зафиксировать углубление тенденций, сложившихся за три десятилетия постсоветской истории, а также тренд на регионализацию постсоветских идентичностей, группирующихся вокруг нескольких моделей. Это модель «национально-цивилизационного сообщества»; «неосоветская» модель; «геополитическая» или «антиимперская» идентичность; модель поиска баланса между государственной, этнической и религиозной идентичностями; переходные «прикаспийские» идентичности; этнокультурная модель. Проведенный опрос об ос-

* **Казаринова Дарья Борисовна**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия), e-mail: d.kazarinova@mail.ru; **Дунамалян Норайр Арменович**, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии, Российско-Армянский (Славянский) университет (Ереван, Армения), e-mail: norayr.dunamalyan@rau.am

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20–511–05025–арм_а «Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве: тенденции, вызовы, риски (на примере России и Армении)».

новых моделях постсоветских идентичностей подтвердил продолжающийся процесс взаимного дистанцирования обществ бывшего СССР на основе возникновения новых форм восприятия социальных и политических явлений.

Ключевые слова: идентичность; постсоветское пространство; модели формирования идентичности; политика памяти; Россия; Армения; этнонационализм; гражданская идентичность; стагнирующая идентичность; постимперская идентичность.

Для цитирования: Казаринова Д.Б., Дунамалян Н.А. Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 52–79. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.02>

Введение

Многообразие траекторий развития идентичностей стран постсоветского пространства является постоянной темой исследований как в России, так и за рубежом. Исследования идентичностей в контексте постимперского синдрома [Оганисян, 2012; Петросян, Свинцов, 2007; Подвинцев, 2017; Сургуладзе, 2015; Тихонова, 2007]¹, постколониальные исследования [Moore, 2001; Spivak et al., 2006; Forest, Johnson, 2011; Летняков, 2016], общества травмы и манкуртизма [Тощенко, 2010] создают широкое полотно постсоветской идентичности. Тематика эта в особенности *актуализируется* в период обострений политических конфликтов как регионального уровня, например, на Южном Кавказе, так и макро-регионального (конфликт вокруг Украины, актуальный миграционный кризис на границе Белоруссии и Польши).

Цель настоящего исследования состоит в поиске общей логики и различий в развитии идентитарных процессов в странах постсоветского пространства. Гипотеза авторов состоит в том, что с помощью анализа содержательных элементов политики памяти и символической политики, а также их структурных взаимосвязей можно вычленить модели постсоветской идентичности и сделать выводы о векторах ее развития. Методология исследования включает как вторичный анализ научной литературы в рамках дихото-

¹ См. также: О постимперском синдроме в России. Фрагменты выступления члена Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Александра Аузана // Газета протестант. – Режим доступа: <http://www.gazetaprotestant.ru/2008/02/o-postimperskom-sindrome-v-rossii/> (дата посещения: 30.10.2021).

мии «примордиализм – конструктивизм», так и построение интерпретативной модели типов постсоветских идентичностей, визуализации ключевых меседжей в рамках символической политики и политики памяти стран постсоветского пространства (облака тэгов), а также анализ проведенного экспертного опроса (N 12). По результатам анализа русскоязычной и англоязычной литературы по проблематике постсоветской идентичности мы выявим основные смысловые узлы, переходя в этой логике к проблемам исторической памяти и роли постколониального дискурса; вычленим основные модели постсоветской идентичности; проанализируем восприятие постсоветской идентичности в Армении.

Развитие «постсоветской» идентичности: «стагнирующая» идентичность или переход к новым формам

Поиск причин и тенденций развития «постсоветской идентичности» стал одним из важнейших направлений в анализе социологической и политологической картины обществ бывших союзных республик, у истоков которого стояла рефлексия над «общим прошлым», способствующая сохранению элементов единого социокультурного и политического пространства. Вместе с тем возникал вопрос о том, как трактовать понятие «постсоветская идентичность», поскольку его содержание представлялось слишком широким и вторичным (к примеру, как продолжение «советской идентичности эпохи 1980-х»). Интерес к данной тематике начал расти параллельно тектоническим изменениям на пространстве бывшего СССР, ознаменовавшим окончательный распад прежней политической общности и переход к новой стадии. Этот процесс дал повод для различных трактовок постсоветской идентичности в виде «стагнирующей» или переходной идентичности [Постсоветская идентичность в..., 2014, с. 8].

Сложность определения феномена «постсоветской идентичности» связана с несколькими уровнями наслаивающейся социально-политической реальности, которые формируются на основе советского опыта и параллельно ему. Исходя из этого, некоторые эксперты могут отвергать само явление «постсоветского пространства», воспринимая его как политический конструкт.

В прошлом, как и сегодня, главным аргументом в пользу существования некой постсоветской идентичности является само-

идентификация индивида в пространстве социальных и политических практик. Как отмечает Г. Кертман, постсоветская политическая культура отвечала на импорт «чужеродных» ценностей «реинтерпретацией новых институтов, их смысла и политического предназначения в русле традиционных для этой культуры представлений о власти и оптимальной модели ее взаимоотношений с народом» [Кертман, 2006, с. 437], что способствовало формированию образа «среднего» гражданина, стремящегося «быть как все» и приспособленного «к пониженному уровню существования» [Левада, 2006, с. 218].

С другой точки зрения постсоветская идентичность могла восприниматься как исторический или геополитический феномен, который привязан к ценностям и привычкам поколения, пережившего период перестройки и первые годы становления независимых республик¹. В этот период политика идентичности новых государств должна была адаптировать большой пласт ценностей советского периода к политическому дискурсу независимости. Благо советская эпоха предоставила союзным республикам богатый выбор для построения основных элементов культурного национализма (национальная мифология, границы, политическая элита, культурная модернизация), переросшего в будущем в ключевой политический фактор нациестроительства.

Иной взгляд представлен в контексте постколониального подхода, предложенного Д. Муром [Moore, 2001], который выступал против трактовки колониализма как исключительно западноевропейской практики, объединяя постсоветские и постколониальные исследования. Эта тематика нашла свое применение в дискурсе построения национальной идентичности большинства постсоветских стран.

Стоит отметить, что в отличие от союзных республик в российском обществе «речь шла о формировании существенно “новой” идентичности, поскольку в рамках СССР проект многонациональной Российской республики не имел вполне четких культурно-политических очертаний» [Малинова, 2013, с. 211]. Этим обстоятельством можно объяснить большой интерес к поис-

¹ Искандарян А. Постсоветское пространство: существует ли оно? // Минский Диалог. – 2017. – 27 сентября. – Режим доступа: <http://minskdialogue.by/research/opinions/postsovetskoe-prostranstvo-sushchestvuet-li-ono> (дата посещения: 29.10.2021).

ку оснований российской идентичности и единого формата исторической памяти, сглаживающего конфликты между отдельными периодами развития российского общества. В свою очередь, перед независимыми республиками стояла задача построения самобытной национальной идентичности, формирующей конкретный взгляд на прошлое и будущее государства и общества.

Изучение постсоветской идентичности англоязычными авторами проводилось преимущественно сквозь призму символических практик, культуры (чаще всего кинематографа), тематики исторической памяти, а также в контексте религиозных отношений. Различные сборники объединяют в себе кейсы по этим практикам, значительную часть которых составляют тексты российских авторов или англоязычных ученых из стран постсоветского пространства.

Улавливается такая тенденция: если российские авторы при употреблении термина «постсоветский» в контексте культуры, политики, идентичности делают смысловой акцент на приставке «пост» и имеют в виду нечто, происходящее на пространстве бывшего Советского Союза, то в работах англоязычных авторов акцент больше делается на советское наследие, историческую связь между советским и постсоветским (для отечественных исследователей эти понятия существенным образом разведены). Такая связь советского с постсоветским прослеживается в сборнике *Soviet and Post-Soviet Identities* под редакцией М. Бассина и К. Келли [Bassin, Kelly, 2012], где рассматриваются различные культурные и символические практики, в *Literature, History and Identity in Post-Soviet Russia, 1991–2006* Р. Марш о постсоветской литературе [Marsh, 2007], статьях Б. Фореста и Дж. Джонсон об исторической памяти [Forest, Johnson, 2002]. При этом характерен такой вывод: «Посттоталитарные общества сталкиваются с общей проблемой переосмысления своего национального характера как гражданского и демократического во многом потому, что их национальная идентичность была тесно связана с репрессивными режимами» [Forest, Johnson, Till, 2004]. С моделями работы с «трудным прошлым» – проработкой или избеганием – они связывают не только уровень развития демократии, но и гражданской идентичности. Их вывод: без проработки вопросов трудного прошлого гражданская идентичность не сложится.

Вопросами постсоветской идентичности во внешнеполитическом контексте в 1990-х занималась Г. Шафетц [Chafetz, 1996]. Она пыталась подойти к теме, исходя из решения двух основных вопросов:

как лидеры России воспринимают формирующийся мировой порядок, каким видят место России в нем и легитимируют свои внешнеполитические подходы исходя из избранной стратегии. Интересно, что уже в период 1990-х ставится вопрос о том, что Россия определяет свое место в мире, исходя не из внутренних идентификационных процессов (во многом это и невозможно ввиду делящейся расколотости российского общества), а из внешних. Отталкиваясь от своего видения мировой политики и тренда на «стратегическое одиночество», власть уже в этот период формулирует политику идентичности, артикулирующую цивилизационную особость и ценностно-политическую обособленность, что потом найдет свое отражение в программных выступлениях В. Путина от Мюнхена-2007 до Валдая-2021.

Еще одно соображение приходит на ум при обращении к массиву англоязычной литературы по проблематике постсоветской идентичности. Если в русскоязычной литературе под постсоветским пространством по умолчанию понимается совокупность независимых государств, то англоязычное постсоветское пространство наполняется политическими акторами различного уровня, возникшими в результате дезинтеграции Советского Союза: это государства, непризнанные государства, субъекты РФ, которые рассматриваются в общем ряду. Так, сборник под редакцией Р. Исаакса и А. Полезе *Nation-Building and Identity in the Post-Soviet Space: New Tools and Approaches* посвящен различным аспектам нациестроительства (политике памяти, профессиональному измерению, языковой и образовательной политике) в независимых государствах постсоветского пространства и национальных республиках РФ. В предисловии авторы сборника даже высказывают мысль, что постсоветское пространство становится идеальным полигоном для социального конструктивизма, реализующегося во всем многообразии его форм. Конструктивизм позволяет проследить, как нация или идея нации проходит стадии «воображения», создания, развития и обретает свое реальное воплощение [Isaacs, Polese, 2016, p. 1].

Можно заключить, что англоязычная литература по проблемам постсоветской идентичности хоть и обширна, но достаточно фрагментарна и из нее сложно почерпнуть целостное представление. Как правило, в коллективных монографиях по этой теме вслед за теоретическим введением, воспроизводящим идеи Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, М. Хальбвакса, П. Нора, Р. Брубейкера, следует описание кейсов политики идентичности, мало связанных между собой общей теоретической и методологической рамкой. Логика

структурирования постсоветского пространства остается не вполне проявленной в этой ситуации, а значит, не позволяет сделать выводы об общем и особенном в тенденциях развития гражданской идентичности в отдельных странах. Между тем российская литература предлагает, как представляется, более концептуально оформленный взгляд.

Основные тенденции современного этапа развития постсоветской идентичности: историческая память и постколониальный дискурс

Как было отмечено выше, в советский период, несмотря на присутствие единой идеологии и тоталитарной политической системы, национальная политика СССР формировала особые модели национально-культурной идентичности, направленные на утверждение не противоречащих коммунистической идеологии стереотипов посредством очерчивания определенных границ этнической идентичности через политику «коренизации», языка, кампаний по развитию культурного квазинационализма. К тому же корни будущих «войн памяти» и фальсификации истории проявлялись еще в советский период (к примеру, игнорирование армянского фактора в азербайджанской историографии начиная с 1970-х годов [Шнирельман, 2003, с. 188, с. 216–223]), став уже в период независимости основным лейтмотивом отношений между постсоветскими государствами.

После распада СССР основной целью политики идентичности в условиях политической нестабильности и борьбы элит стала легитимизация режима и сохранение политического контроля [Между государством и нацией..., 2017, с. 72]. В этой логике строились образы «другого» (для этой роли использовался «советский империализм» или какое-либо сопредельное государство). Главное, что для многих бывших союзных государств (кроме России) по причине существовавших этнополитических конфликтов не составило большого труда найти «экзистенциального» противника.

Однако несмотря на многочисленные противоречия между бывшими союзными республиками, постколониальный дискурс оставался одним из самых востребованных на постсоветском пространстве. Поднимаясь над эмпирикой и делая ряд глубоких кон-

цептуальных обобщений, Д. Летняков выделяет ряд существенных характеристик идентичности стран постсоветского пространства: 1) присутствие постколониального дискурса; 2) миф о возвращении в Европу / о древних традициях демократии; 3) расколотость идентичности. Он называет следующие общие черты, составляющие предпосылки формирования идентичности ряда постсоветских государств, которые пошли по «постколониальному» пути: «это изобретение древней культурной и политической традиции, самовиктимизация имперского прошлого, изображение его в качестве времени “оккупации” национальной территории, ее эксплуатации в пользу метрополии, активное использование этноцентристской идеологии для политической мобилизации населения» [Летняков, 2016, с. 159].

В этом контексте ключевым фактором типа формирующейся идентичности становилась дихотомия: наличие исторической общности в досоветский период и / или борьба за обретение независимости в противовес неожиданному обретению государственности «нациями поневоле» (в терминах К. Мейера), где предполагаемая общегражданская идентичность должна была конкурировать с трайбализмом и регионализмом.

На базе предложенных Д. Летняковым оснований можно сформировать следующую модель процессов формирования идентичности и в соответствии с этой моделью распределить страны по группам (табл. 1).

Таблица 1

**Роль постколониального дискурса
как фактора формирования идентичности**

Факторы формирования идентичности	Высокая роль постколониального дискурса	Постколониальный дискурс маргинален
Борьба за государственность / наличие исторической традиции государственности	Страны Балтии, Грузия	Армения, Беларусь ¹
Неожиданное обретение государственности «нации поневоле» / краткий опыт государственности	Молдова, Узбекистан, Туркменистан, Казахстан / Азербайджан, Украина	Таджикистан

Источник: составлено авторами на основе подхода Д. Летнякова [Летняков, 2016].

¹ В случае Беларуси мы учитываем государствоцентричный подход современного этапа формирования идентичности и историческую традицию государственности в рамках Великого княжества Литовского.

Еще одна важная переменная, которую необходимо привести в данную модель, связана с политикой исторической памяти вне постколониального контекста, которая задает параметры идентичности. Как заявляют авторы чрезвычайно интересного, хотя и неоднозначно воспринятого научной общественностью сборника статей журнала *Ab Imperio* «Империя и нация в зеркале исторической памяти», важен не только общий нарратив исторической памяти, но и периодизация истории социума в коллективной памяти, которая вносит в события прошлого определенный порядок. «Подобно другим аспектам коллективной памяти, такая периодизация предполагает постоянный диалог между прошлым и настоящим, изменяясь по мере того, как данное сообщество переосмысливает свою историю с текущих идеологических позиций» [Империя и нация..., 2011]. Причем наиболее важный период рассматривается наиболее подробно и воплощается в наиболее ярких (и одновременно упрощенных) символах, в то время как другим уделяется значительно меньше внимания, а третьи могут быть подвергнуты забвению.

В связи с практиками забвения исторической памяти интересна амбивалентность термина «манкуртизм». С одной стороны, термин приобрел особую популярность в Татарстане, Башкирии и в среднеазиатских республиках в качестве презрительной клички для тех, кто равнодушно относится к своей национальной культуре¹. Этим же термином Ж. Тощенко называет и политику вытеснения и забвения советской истории на постсоветском пространстве: «В распространении манкуртизма большую роль играет полное игнорирование прошлого. Во многих постсоветских государствах существуют политические силы, которые желают перечеркнуть историю Советской страны (а заодно и России), представить ее как некий провал в развитии цивилизации» [Тощенко, 2010]. Таким образом, общество приписывает различное значение разным отрезкам своего прошлого, что выражается в различной «коммеморативной плотности» [Империя и нация..., 2011].

Используя это понятие, мы можем вычленить события или периоды «наибольшей коммеморативной плотности», которые можно соотнести с более распространенным в *memory studies* по-

¹ Манкуртизм // Словарь Академик. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1022641> (дата посещения: 03.12.2021).

нятием «мифа основания»¹. Понятие «мифа основания» не совсем удобно в нашем случае: мы говорим о Победе во Второй мировой войне как краеугольном историческом событии в дискурсе исторической памяти, а также других событиях новой и новейшей истории. Поэтому мы предлагаем говорить о периоде «наибольшей коммеморативной плотности», не претендуя на изящество термина. Соответственно постсоветское пространство может быть представлено разделенным на те страны, где периодом «наибольшей коммеморативной плотности» выступает Вторая мировая / Великая Отечественная война и победа в ней, и те, где идентичность черпает ресурс в иных событиях, при этом особенно подчеркивая тему жертвы и жертвенности в своей дальней или близкой истории.

В связи с этим мы сделаем попытку вычленить ключевой месседж политики памяти в государстве постсоветского пространства. Понимая всю ограниченность подобного подхода, мы тем не менее предлагаем следующее: через создание облаков тэгов визуализировать главные сюжеты исторической памяти, отраженные в наименовании национальных праздников и памятных дат всех постсоветских стран (табл. 2).

Исходя из вышесказанного, постсоветское пространство можно условно разделить на две большие группы стран: 1) с сильным постколониальным дискурсом, где национальная идентичность отстраивается от России; 2) Беларусь, Таджикистан и Армения, где постколониальный дискурс является маргинальным феноменом «национализирующего национализма», о котором писал Р. Брубейкер. Дискурс о жертве или с позиции жертвы может быть также взят в качестве одной из переменных формирования идентичности.

¹ Под «мифом основания» понимаются «исторические события, которые знаменуют начало становления нации, государства, или моменты проявления ее наиболее ярких, выдающихся качеств» [Самаркина, 2017, с. 667].

Таблица 2

**Вычленение и визуализация ключевых месседжей
политики памяти стран постсоветского пространства
методом создания облаков тэгов**

Страна	Национальные праздники, связанные с коммеморацией	Памятные дни	Ключевой месседж политики памяти
1	2	3	4
Латвия	День восстановления независимости Латвийской Республики, День провозглашения Латвийской Республики	День памяти защитников баррикад 1991 года, День международного признания Латвийской республики, День памяти жертв коммунистического геноцида, День победы над нацизмом и день памяти жертв Второй мировой войны, День Европы, День памяти жертв коммунистического террора, День оккупации Латвийской Республики, День памяти борцов за свободу Латвии, День принятия закона «О суверенитете Латвийской Республики», День памяти жертв сталинизма и нацизма, День единства балтов, День Лачплесиса (День памяти павших за освобождение Латвии)	
Литва	День восстановления Литовского государства, День восстановления независимости Литвы, День коронации Миндаугаса (День Государства)	День флага Литвы, День защитников свободы, День надежды и траура, День черной ленты, День литовских воинов	

Продолжение табл. 2

1	2	3	4
Эстония	День независимости, День Победы, День восстановления независимости	День родного языка, День флага Эстонии, День траура (Почтение памяти жертв советских депортаций), День сопротивления, День возрождения	Почтение независимости восстановления депортаций День флага памяти жертв родного языка советских Победы траура сопротивления Эстонии
Украина	День Победы, День Конституции Украины, День независимости Украины, День защитников и защитниц Украины	День соборности Украины, День памяти и примирения, День Европы, День скорби и увековечения памяти жертв войны на Украине, День государственного флага, День освобождения Украины от фашистских захватчиков, День достоинства и свободы, День свободы	Конституции Украины примирения скорби флага войны защитниц государственного достоинства свободы соборности памяти независимости Европы Победы Украины защитников освободения
Молдова	День Победы, День независимости, День национального языка, День Победы и памяти павших героев за независимость Родины, День Европы	День памяти жертв Холодosta, День памяти погибших в войне в Афганистане, День памяти погибших в вооруженном конфликте 1992 года по защите целостности и независимости Республики Молдова и жертв этого конфликта, День Свободы, День памяти жертв катастрофы на Чернобыльской АЭС, День Государственного флага, День памяти жертв фашизма, День провозглашения суверенитета, День памяти жертв сталинизма, День Конституции, День независимости	Афганистане этого Суверенитета Конституция павших АЭС флага героев государственного вооруженного конфликта, независимости, целостности Республики жертв погибших годов независимости Молдова

Продолжение табл. 2

	1	2	3	4
Азербайджан	День Победы, День Независимости, День национального спасения азербайджанского народа, День вооруженных сил Азербайджана, День восстановления независимости, День Конституции, День Победы в Отечественной войне 2020 года, День государственного флага, День национально-го возрождения, День солидарности азербайджанцев всего мира	День всенародной скорби (жертв подавления оппозиции советскими войсками), День памяти жертв Ходжалы, День геноцида азербайджанцев, День национального единства, День прав человека в Азербайджане, День азербайджанского алфавита и языка, День памяти жертв конфликта в Нагорном Карабахе)	Независимости национального памяти День Победы Отечественной жертв Конституции мира всего Азербайджане Оппозиции советскими жизни геноцида флага войне человека подавление вооруженных сил возрождения прав нагорном спасения сил государственного алфавита восстановления солидарности азербайджанцев Карабахе войсками Ходжалы	
Грузия	День национального единства, День Победы над фашизмом, День независимости	День любви, День духовной любви	независимости Христианские праздники День национального над фашизмом духовной любви Победы единства	
Казахстан	Праздник единства народа Казахстана, День единства, День защитника Отечества, День Победы, День Конституции Республики Казах-стан, День Первого Президента Рес-публики Казахстан, День Столицы	День памяти жертв политических репрессий и голода, День государственных сим-волов Республики Казахстан, День Абая	голода Победы Праздник День народа единства Отечества Казахстан Республики Первого символов жертв государственных Абая Президента Столицы Конституции репрессий политических защитника памяти Казахстана	

Продолжение табл. 2

1	2	3	4
Узбекистан	День Памяти и Почестей (День Победы), День Независимости, День Конституции Узбекистана	День защитников Родины, День молодежи Узбекистана	Конституции Узбекистана Независимости Родины Почестей Победы Памяти защитников молодёжи
Таджикистан	День Вооруженных сил Республики Таджикистан, День Победы народов в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, День национального единства, День независимости Республики Таджикистан	День государственного языка Республики Таджикистан, День Конституции Республики Таджикистан, День президента Республики Таджикистан, День Государственного флага Таджикистана,	Таджикистан Вооружённых сил флага Отечественной государственного народов независимости Республики Победы Великой национального единства конституции Дней защитника Отечества истории Победы флага предков литературы эпоса национальной языка революции конституции эпоса памяти Независимости Манас
Кыргызстан	День защитника Отечества, День народной Апрельской революции, День Конституции Кыргызской Республики, День Победы, День Независимости Кыргызской Республики, Дни истории и памяти предков	День государственного языка, День Государственного флага, День эпоса «Манас», День национальной литературы	Кыргызской государственного народной революции Дней защитника Отечества истории Победы флага предков литературы эпоса национальной языка революции конституции эпоса памяти Независимости Манас

Модели развития постсоветских идентичностей

Постколониальный дискурс построения национальной идентичности стал важным фактором становления постсоветских обществ, однако не единственным. Дистанцирование от некогда единой политики идентичности создавало необходимость разработки собственных моделей социально-политической общности. Во всех республиках декларировалась необходимость построения демократического государства и, как следствие, развития гражданского национализма (особенно для многонациональных республик), однако понятие «нация» в постсоветских государствах трактовалась слишком широко, приводя к выбору модели этнического национализма. Вместе с тем происходило «рассыпание» единого пространства, что способствовало процессу регионализации, выраженному в формировании отдельных комплексов социальных, политических, культурных и иных отношений, изолированных от других макрополитических сообществ (Южный Кавказ, Центральная Азия, Восточная Европа и т.д.).

Распад единого культурного и гуманитарного пространства привел к углублению имеющихся тенденций, группирующихся вокруг нескольких моделей: Российская Федерация – модель «национально-цивилизационного сообщества»; Беларусь – «неосоветская» модель; Украина, Грузия, Молдова и Прибалтика – «геополитическая» или «антиимперская»; страны Центральной Азии – модель баланса между государственной, этнической и религиозной идентичностями; Азербайджан и Туркменистан – переходные «прикаспийские» идентичности; Армения – этнокультурная модель.

Наиболее болезненным процессом поиска новой модели политической идентичности стал пример России, где смена советской парадигмы создала большое количество рисков, связанных со сложностями построения российской гражданской нации и сопряжением многочисленных этномифологий народов РФ. Такой процесс, в конце концов, привел к формированию, хотя и незавершенной, модели «национально-цивилизационного сообщества» [Пантин, 2012], предоставляющей возможность более гибко отвечать на вызовы кризиса идентичности внутри российского общества, но вместе с тем не выходящей из процесса постоянных конфликтов между историческими и эпохальными сюжетами российской истории.

Двоякость подобной трактовки российской идентичности вела к появлению двух общих подходов, существующих в рамках дихотомии «примордиализм – конструктивизм». Первый подход декларировал существование особой «русской цивилизации», которая способна сплотить различные социальные, политические, культурные паттерны русского общества, объединенного на основе исключительности и определенной «миссии» всего сообщества [Паин, Федюнин, 2017, с. 145–146]. Другой подход говорил о наличии общерусской идентичности – «русской нации», основанной на феноменах солидарности и лояльности граждан РФ вне зависимости от этнической принадлежности [Тишков, 2013, с. 22]. В постсоветский период оба этих подхода активно использовались в публичной сфере для обоснования тех или иных программ политического руководства, однако «последовательного курса “строительства” макрополитической идентичности» [Малинова, 2013, с. 369], заменяющего инерцию постсоветского периода, сформулировано так и не было.

В бывших союзных республиках выбор той или иной модели национальной идентичности зависел от нескольких факторов: наличия опыта государственности, национальной культуры и стереотипов, гомогенности населения, обозначения «Другого» и геополитической ориентации. После нескольких «экспериментов» с этнонационализмом в полиэтнических республиках бывшего СССР (Молдова, Грузия, Азербайджан, Таджикистан) сложились более устойчивые модели политики идентичности, основанные на доминировании тех или иных факторов. К примеру, в Беларуси становление национальной идентичности проходило через процесс сохранения советской идентичности к построению новых концептов белорусской нации, объединяющих дискурсы советской, «литвинской» и национально-белорусской истории [Бикетова, Чернышов, 2018]. При этом каждый аспект определенного взгляда на историю и текущее развитие белорусского общества мог выполнять конкретную функцию: «литвинский» фактор делал более древним миф о белорусском государстве, советская идентичность обеспечивала лояльность политическому режиму, а национально-белорусский срез обосновывал уникальность положения Беларуси в Европе. В целом сложная траектория белорусской политики идентичности привела к столкновению между «авторитарным» и «прозападным» дискурсами [Между государством и нацией...,

2017, с. 71–72], хотя в этом случае довольно сложно однозначно очертить рамки модели идентичности, доминирующей в белорусском обществе.

Если для белорусской национальной идентичности советский период стал одним из наиболее важных элементов, то модель украинской идентичности формировалась в рамках противопоставления этому периоду. Создавалась определенная «антимодель» национальной идентичности, главной чертой которой становилась «антиимперская», или «антироссийская» направленность со всеми вытекающими из этого последствиями. В каком-то смысле негативная направленность украинской политики идентичности выходила за пределы и собственное содержание, формируя запрос на создание абстрактной «европейской» идентичности, а не украинской [Грицай, Николко, 2009, с. 121–122]. Такой же концепт «возвращения в Европу» применялся в случае прибалтийских республик, Молдовы и постреволюционной Грузии, желающих в большей степени подчеркнуть «европейскость» своей идентичности [Летняков, 2016, с. 149–150]. Как пример – в Грузии западный, или европейский дискурс функционировал «как часть наследия грузинского антисоветского оппозиционного национализма» [Кирчанов, 2013, с. 13], т.е. становление национальной идентичности и прочтение собственных исторических и культурных нарративов проводилось через геополитическую ориентацию правящего режима.

В отличие от носителей «европейской» идентичности, центральноазиатские республики пытались справиться с наследием советского периода путем поиска оптимальной модели политики идентичности, способствующей сохранению власти местных элит и баланса между различными элементами размытой идентичности народов Центральной Азии. Советская власть создала новые границы для государств региона и вместе с тем разделила некогда единые историко-культурные и хозяйственные субрегионы (Хорезм, Северный Таджикистан, Фергана и др.), что стало основой для будущих конфликтов [Омаров, 2012]. В постсоветский период для полиэтнических республик Центральной Азии важной проблемой являлось построение гражданского национализма, хотя на деле в республиках со смешанным населением и клановой системой – Узбекистане и Таджикистане – государственная пропаганда постепенно свелась к этническому и культурному национализму [Государственная политика идентичности..., 2018]. В Казахстане

изначально присутствовала приверженность к формированию гражданской «казахстанской» нации, хотя и с сохранением доминирующей роли казахской элиты, что вместе с ярко выраженной регионализацией страны на русскоязычный «Север» и казахоязычный «Юг» создавало двойственную картину развития национальной идентичности [Между государством и нацией..., 2017, с. 62]. Переход с кириллицы на латиницу также может считаться важным индикатором отхода Казахстана от постсоветской идентичности. В свою очередь, Кыргызстан, развивая идею становления гражданской идентичности, по причине социальных и политических кризисов и в отсутствие какого-либо консолидирующего образа «Другого» не смог сформулировать четкой политики идентичности [Торогельдиева, 2017]. В плане региональной интеграции историческая, культурная, языковая и религиозная общность стран Центральной Азии способствует углублению процесса регионализации с перспективой переориентации политики идентичности на развитие отношений со странами Южной Азии, Турцией и Китаем.

Для обозначения моделей азербайджанской и туркменской политики идентичности выбран условный термин «переходная прикаспийская модель», поскольку «пограничность» идентичностей данных обществ проявляется в отличимой от других эклектике и позиционировании себя как «уникального» сообщества, основанного в случае Туркменистана на племенной идентичности, политическом нейтралитете и крайней мифологизации, а в случае Азербайджана – эклектике тюркских, кавказских, шиитских, исламских, светских и иных элементов национальной идентичности. Слово «прикаспийский» указывает на отсутствие четкого понимания принадлежности к тому или иному региону.

Из общего контекста центральноазиатской проблематики построения национальной идентичности выпадает Туркменистан, позиционирующий себя как нейтральное государство, формирующее отдельную «прикаспийскую» идентичность, основанную на совмещении мифологии «ислама, коммунизма и древних восточных деспотий». Корни туркменской власти и идентичности находились в племенной структуре туркменского общества [Гавровская, 2010], которая определила особый тип политической системы современного государства.

Такая же модель переходной «прикаспийской» идентичности осуществляется в Азербайджане, совмещающей идеи «тюркизма»,

исламской солидарности, шиизма, кавказской общности, армянофобии [Адибемян, Элибегова, 2013] и попыток реализации проектов гражданского национализма. История постсоветского Азербайджана вобрала в себя этап формирования антисоветской и антироссийской идентичности (в первые годы независимости)¹, попытку реализации «идеологии азербайджанства» (гражданского национализма)², переход к насаждению этнонационализма на волне поражения после первой Карабахской войны и рост пантюркистских настроений после второй Карабахской войны. Отдельные азербайджанские авторы отмечают необходимость построения национальной идентичности на основе «комплекса национального превосходства» [Якубова, 2019, с. 449–450]. Так или иначе, в большей степени объединяющим национальную историю и идентичность современным негативным нарративом, направленным против Другого в лице армян, стал именно карабахский конфликт.

В случае же армянского общества восприятие современных событий вписывалось в «готовый» исторический нарратив, связанный с «комплексом жертвы» – совокупности социально-психологических последствий пережитого геноцида армян в Османской империи³. Нужно отметить, что сама тема геноцида превратилась в важный фактор роста армянского национального самосознания в республике в 1960-х годах, результатом чего стало создание мемориала памяти жертвам в Цицернакаберде. Таким образом, в армянской модели идентичности можно заметить некоторую преемственность, связанную в дальнейшем с постсоветским периодом, когда победа в первой Карабахской войне воспринималась как один из этапов преодоления «комплекса жертвы» и как

¹ В Конституционном акте АР «О восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики» напрямую говорится об аннексии Азербайджана Россией в XIX и XX вв. / Законодательство стран СНГ. – Режим доступа: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2889 (дата посещения: 24.10.2021).

² Идеология азербайджанства была предложена третьим президентом Г. Алиевым в качестве основы для формирования гражданской идентичности.

³ Золян М. Исторический нарратив и репрезентация конфликта (еще раз о конфликте в Нагорном Карабахе и вокруг него) // Heinrich Boell Foundation Tbilisi Office – South Caucasus Region. – 2005. – 15 января. – Режим доступа: <https://ge.boell.org/en/2005/01/16/istoricheskiy-narrativ-i-reprezentaciya-konflikta-eshche-raz-o-konflikte-v-nagornom> (дата посещения: 24.10.2021).

фундамент для построения политической нации [Искандарян, Арутюнян, 1999]. Кроме того, постсоветский период политического развития Армении был назван третьей республикой, что подтверждало преемственность политической идентичности граждан Армении; однако несмотря на это в армянской действительности продолжала доминировать модель культурной нации [Саркисян, 2017, с. 136], объединяющая не только постсоветских армян, но и диаспору.

Восприятие постсоветской идентичности (обзор результатов экспертного опроса в Армении)

Распад общего политического и культурного пространства привел к возникновению различных моделей постсоветских идентичностей, в которых сама «постсоветскость» воспринималась как временное явление. С этим отчасти согласились респонденты экспертного опроса¹ в Ереване, проведенного в рамках проекта «Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере России и Армении)». Основная часть экспертов отрицала существование какой-либо единой идентичности на постсоветском пространстве, отмечая «поколенческую» природу этого вопроса, связанного со «схожим набором проблем», которые каждое общество решает по-своему. Так, эксперт Д утверждает, что «постсоветского мира как единой субстанции не существует», а есть «некоторые культурные черты: знание русского языка взрослыми поколениями, архитектура, представления об историческом прошлом, – но они уходят и уже появляются “зоны”, где русский язык становится бесполезным. Это постепенно расплывающееся явление». Вместе с тем отмечается различие идентичностей и в советский период: «узбекский и украинский колхозы очень отличались, как и власть в республиках. В Узбекистане колхоз был способом организации феодального производства...».

¹ Опрос проведен в июне – августе 2021 г. среди 12 экспертов из Республики Армении. Эксперты отбирались по принципу наибольшей авторитетности, компетентности и вовлеченности в академическую и управленческую деятельность, связанную с тематикой исследования. В пул экспертов вошли представители трех категорий: академические ученые, специалисты – практики государственной службы, представители гражданского общества.

Другие респонденты заостряют внимание на отсутствии единой оценки прошлого со стороны всех бывших союзных республик, а также необходимости переосмыслить советский период развития армянской государственности и общества. К примеру, эксперт G отмечает, что те народы, «которые уже имели свою государственность, идентичность, они имели еще и большую возможность для усиления, развития» в советский период.

С другой стороны, эксперт H обращает внимание на то, что в советский период возникал конфликт идентичностей, и «люди, которые старались найти себя и понять кто они такие, естественно возвращались к собственным корням и пытались защитить все то, что связано с их идентичностью (национальной, этнической, религиозной), защититься от того колоссального давления, которое оказывала центральная советская система».

Эксперт J указывает на то, что постсоветская идентичность является некой «смесью бывшего советского и национального», так как «советская идентичность продолжает существовать в очень многих трансформированных видах и является важной частью нашей общей национальной идентичности». В качестве причины отмечается «специфическая марксистская манера модернизации», которую прошло армянское общество. Несмотря на это эксперт K утверждает, что постсоветская идентичность является «временным явлением», которое сменится с приходом «цифрового поколения».

Заключение

Идентичности стран постсоветского пространства являют собой значительное разнообразие, объединенное тем не менее постимперским наследием и в ряде стран сильным постколониальным дискурсом, где национальная идентичность отстраивается от России. В другой группе (Беларусь, Таджикистан и Армения) постколониальный дискурс является маргинальным феноменом «национализирующего национализма». Дискурс о жертве или с позиции жертвы для этих стран может быть также взят в качестве одной из переменных формирования идентичности.

Мы фиксируем углубление тенденций, сложившихся за три десятилетия постсоветской истории и тренд на регионализацию постсоветских идентичностей, группирующихся вокруг несколь-

ких моделей: Российская Федерация – модель «национально-цивилизационного сообщества»; Беларусь – «неосоветская» модель; Украина, Грузия, Молдова и Прибалтика – «геополитическая» или «антиимперская»; страны Центральной Азии – модель баланса между государственной, этнической и религиозной идентичностями; Азербайджан и Туркменистан – переходные «прикаспийские» идентичности; Армения – этнокультурная модель.

Проведенный опрос об основных моделях постсоветских идентичностей показывает продолжающийся процесс дистанцирования обществ бывшего СССР на основе возникновения новых форм восприятия социальных и политических явлений. Вместе с тем даже в сфере международных отношений отдаление бывших союзных республик друг от друга и углубляющаяся регионализация ведет к формированию новых «трансрегиональных» проектов, которые в будущем также могут стать основой для какой-либо макрополитической идентичности.

D.B. Kazarinova, N. Dunamalyan *
Trajectories of development of post-soviet identities:
approaches, models, trends¹

Abstract. The problems of the post-Soviet space remain an extremely controversial topic with a high degree of uncertainty of the subject field. However, studies of post-Soviet identity are more conceptualized, and the relevance of the topic in theoretical and practical terms is reflected in a large array of studies. The analysis of this array consists in searching for common logic and differences in the development of identity processes in certain groups of post-Soviet countries. By analyzing the content elements of memory policy and symbolic policy, as well as their structural relationships, it is possible to define models of post-Soviet identity and draw conclusions about their further features. Basing on the analysis of Russian and English-language literature the interpretive models of post-Soviet identities are to be constructed. Visualizing the key messages of the symbolic and memory policy of the post-Soviet countries (tag clouds), as well as analyzing of the expert survey (N 12), the authors highlight the deepening of trends that have developed over three decades of post-Soviet history as well as the re-

* **Kazarinova Daria**, People's Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia), e-mail: kazarinova-db@rudn.ru; **Dunamalyan Norayr**, Russian-Armenian University (Yerevan, Armenia), e-mail: norayr.dunamalyan@rau.am

¹ The reported study was funded by RFBR and SC RA, project number N 20-511-05025-аpm_a «The development of civic identity in the post-Soviet space: trends, challenges, risks (on the example of Russia and Armenia)».

gionalization of post-Soviet identities grouped around several models: the model of “national-civilizational community”; “neo-Soviet” model; “geopolitical” or “anti-Imperial” identity; the model of finding a balance between state, ethnic and religious identities; transitional “Caspian” identities; ethno-cultural model. The survey on the post-Soviet identities shows the ongoing process of distancing the societies from the former USSR basing on the new forms of perception of social and political phenomena.

Keywords: identity; post-Soviet space; models of identity; memory policy; Russia; Armenia; ethnonationalism; civic identity; stagnating identity; post-imperial identity.

For citation: Kazarinova D.B., Dunamalyan N. Trajectories of development of post-Soviet identities: approaches, models, trends. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 52–79. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.02>

References

- Adibekyan A., Elibegova A. Armenophobia in Azerbaijan. Yerevan: Center for Public Relations and Information at the Office of the President of Armenia, 2013, 332 p. (In Russ.)
- Bassin M., Kelly C. (eds). Soviet and Post-Soviet Identities. Cambridge: Cambridge university press, 2012, 370 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511894732>
- Biketova E., Chernyshov Y. Nation-Building in the Republic of Belarus and European Component in Belarusian Identity. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018, Vol. 62, N 1, P. 94–103. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-94-103> (In Russ.)
- Chafetz G. The Struggle for a National Identity in Post-Soviet Russia. *Political science quarterly*. 1996, Vol. 111, N 4, P. 661–688. DOI: <https://doi.org/10.2307/2152089>
- Daudov A., Alimjanov B., Andreev A., Shorokhov V., Yanchenko D. The State Policy of Identity in Uzbekistan during the Late Soviet Period and the Age of Independence. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2018, N 5, P. 146–161. DOI: <https://doi.org/10.31857/s086954150001481-9> (In Russ.)
- Empire and nation in the mirror of historical memory. Collection of articles of Ab Imperio magazine. 2011. Mode of access: <http://mybook.ru/author/noauthor/imperiya-i-naciya-v-zerkale-istoricheskoy-pamyati/read/?page=2> (accessed: 03.12.2021) (In Russ.)
- Forest B., Johnson J. Monumental politics: regime type and public memory in post-Communist states. *Post-Soviet affairs*. 2011, Vol. 27, N 3, P. 269–288. DOI: <https://doi.org/10.2747/1060-586X.27.3.269>
- Forest B., Johnson J. Unraveling the threads of history: Soviet–Era monuments and post-Soviet national identity in Moscow. *Annals of the Association of American geographers*. 2002, Vol. 92, N 3, P. 524–547. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8306.00303>
- Forest B., Johnson J., Till K. Post-totalitarian national identity: public memory in Germany and Russia. *Social & cultural geography*. 2004, Vol. 5, N 3, P. 357–380. DOI: <https://doi.org/10.1080/1464936042000252778>
- Gavrovskaya V.A. Independent Turkmenistan: formation of national discourse. *Ideas and Ideals*. 2010, Vol. 2, N 1(3), P. 117–123 (In Russ.)

- Gritsay, E., Nikolko, M. Ukraine: National identity in the mirror of Another. Vilnius: YSU, 2009, 220 p. (In Russ.)
- Isaacs R., Polese A. Nation-building and identity in the post-Soviet space: new tools and approaches. Oxon, New York: Routledge, 2016, 272 p.
- Iskandaryan A., Harutyunyan B. Armenia: "Karabakhization" of national history. In: Aimermacher K., Bordyugov G. (eds). National histories in Soviet and post-Soviet states. Moscow: AIRO-XX, 1999, P. 147–160. (In Russ.)
- Kertman G.L. Traditionalist reinterpretation of democratic institutions in Russian political culture. In: Patrushev S.V. (ed.). Institutional political science: Modern institutionalism and political transformation of Russia. Moscow: ISP RAS, 2006, P. 436–447. (In Russ.)
- Kirchanov M.V. Georgia's European identity: the European idea and modern Georgian nationalism. Russian journal of nationalism studies. 2012, N 1, P. 11–25. (In Russ.)
- Letnyakov D. Nation-Building: Identity Policies in Post-Soviet States. Mir Rossii. 2016, Vol. 25, N 2, P. 144–167 (in Russ.)
- Levada Yu.A. We are looking for a man: sociological essays, 2000–2005. Moscow: Novoye izdatelstvo, 2006, 384 p. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Constructing meanings: a study of symbolic politics in modern Russia. Moscow: INION RAS, 2013, 421 p. (In Russ.)
- Marsh R.J. Literature, history and identity in post-Soviet Russia, 1991–2006. Oxford, Frankfurt, Bern, Berlin: Peter Lang, 2007, 594 p.
- Moore D. Is the post- in postcolonial the post- in post-Soviet? Toward a global postcolonial critique. PMLA. Publications of the modern language association of America. 2001, Vol. 116, N 1, P. 111–128. DOI: <https://doi.org/10.1632/pmla.2001.116.1.111>
- Nazukina M.V., Podvintsev O.B., Korovnikova N.A. (eds). Post-Soviet identity in the political dimension: realities, problems, prospects. Proceedings of the All-Russian scientific conference. Perm: Harmony, 2014, 128 p. (In Russ.)
- Oganisyan Yu.S. Post-Imperial syndrome: the problem of socio-historical continuity in search of Russian identity. Russian journal of philosophical sciences. 2012, N 11, P. 29–36. (In Russ.)
- Omarov M.M. Institutional aspects in identity policy of the Central Asia states in the sphere of regional security. Regionologiya – Regionology Russian Journal of Regional Studies. 2012, N 3 (80), P. 72–80. (In Russ.)
- Pain E., Fedyunin S. Nation and democracy: perspectives of cultural diversity management. Moscow: Mysl, 2017, 266 p. (In Russ.)
- Pantin V.I. National and civilizational identity and political transformations in the modern world. In: Semenenko I.S. (ed.) Political identity and identity politics. Vol. 2: Identity and socio-political changes in the XXI century. Moscow: Rosspen, 2012. P. 114–132.
- Petrosyan D.I., Svintsov I.V. Russians and neighboring peoples: equality and good neighborliness or the post-Imperial syndrome. In: Chernyshov Yu.A. (ed.). Diary of the Altai School of Political Studies. Modern Russia and the World: Development Alternatives (International Image of Russia in the XXI century): proceedings of the international scientific and practical conference. 2007, N 23. Mode of access: <http://politprosvet.narod.ru/Articles/Beztemi/Beztemi.htm> (accessed: 30.10.2021). (In Russ.)

- Podvintsev O. Post-imperial identity. In: Semenenko I. (ed.). Identity: The Individual, Society and Politics. An Encyclopedia. Moscow: Ves Mir, 2017, P. 358–362. (In Russ.)
- Samarkina I.V. Politics of memory and historical narrative. In: Semenenko I. (ed.). Identity: The Individual, Society and Politics. An Encyclopedia. Moscow: Ves Mir, 2017, P. 666–671. (In Russ.)
- Sarkisyan H.L. Armenian identity: the problem of synthesis of models of “cultural-historical” and “state” nation. In: Problems of national identity in the context of modern globalization. Proceedings of the International Scientific Conference. Yerevan: RAU, 2017, P. 134–152 (In Russ.)
- Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. Between the state and the nation: dilemmas of identity policy in post-Soviet societies. Polis. Political Studies. 2017, N. 5, P. 54–78. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05> (In Russ.)
- Shnirelman V.A. Memory wars: myths, identity and politics in Transcaucasia. Moscow: Akademkniga, 2003, 592 p. (In Russ.)
- Spivak G.C., Condee N., Ram H., Chernetsky V. Are we postcolonial? Post-Soviet space. PMLA. 2006, Vol. 121, N 3, P. 828–836.
- Surguladze V. National identity between the post-imperial syndrome and victim syndrome. Bulletin of Perm university. Political science. 2015, N 2, P. 56–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2015-2-54-72> (In Russ.)
- Tikhonova N. Post-Imperial syndrome or the search for national identity. In: Klyamkina A.M. (ed.). After the Empire. Moscow: Foundation Liberal mission, 2007, P. 156–176. (In Russ.)
- Tishkov V.A. The Russian people: the history and meaning of national identity. Moscow: Nauka, 2013, 649 p. (In Russ.)
- Torogeldieva B.M. Civil identity as a structural element political culture of the modern Kyrgyzstan. Development of Territories. 2017, N 1 (7), P. 12–16. (In Russ.)
- Toshchenko J.T. Mankurtism as a deformation of historical consciousness. Sociology of power, 2010, N 1, P. 6–18. (In Russ.)
- Yakubova N.S. Identification Crisis in the Transition Period of Society Development the Case of Azerbaijan. Ideas and ideals. 2019, Vol. 11, N 4–2, P. 443–453. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-443-453> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Адибегян А., Элибегова А. Армянофобия в Азербайджане. – Ереван: «Центр общественных связей и информации» при Аппарате президента Армении, 2013. – 332 с.
- Бикетова Е., Чернышов Ю. Нациестроительство Республики Беларусь и европейский компонент белорусской идентичности // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 1. – С. 94–103. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-94-103>

- Гавровская Е.А. Независимый Туркменистан: идеологические аспекты национальной политики. Формирование нового дискурса // Идеи и идеалы. – 2010. – Т. 2, № 1 (3). – С. 117–123.
- Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время и эпоху независимости / А.Х. Даудов, Б.А. Алимджанов, А. Андреев, В. Шорохов, Д. Янченко // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 5. – С. 146–161.
- Грицай, Е., Николко М. Украина: национальная идентичность в зеркале Другого. – Вильнюс: ЕГУ, 2009. – 220 с.
- Империя и нация в зеркале исторической памяти. Сборник статей журнала *Ab Imperio*. – 2011. – Режим доступа: <https://mybook.ru/author/no-author/imperiya-i-naciiya-v-zerkale-istoricheskoy-pamyati/read/?page=2> (дата посещения: 30.10.2021).
- Искандарян А., Арутюнян Б. Армения: «карабахизация» национальной истории // Национальные истории в советских и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 1999. – С. 147–160.
- Кертман Г.Л. Традиционалистская реинтерпретация демократических институтов в российской политической культуре // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 436–447.
- Кирчанов М.В. Европейская идентичность Грузии: европейская идея и современный грузинский национализм // Российский журнал исследований национализма. – 2012. – № 1. – С. 11–25.
- Левада Ю.А. Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005. – М.: Новое издательство, 2006. – 384 с.
- Летняков Д.Э. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // Мир России. – 2016. – Т. 25, № 2. – С. 144–167.
- Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография. – М.: РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки, 2013. – 421 с.
- Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве / И.С. Семененко, В.В. Лапкин, А.Л. Бардин, В.И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 54–78. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>
- Оганисян Ю.С. Постимперский синдром: проблема социально-исторической преемственности в поисках российской идентичности // Философские науки. – 2012. – № 11. – С. 29–36.
- Омаров М.М. Институциональные аспекты политики идентичности государств Центральной Азии в сфере региональной безопасности // Регионология. – 2012. – № 3 (80). – С. 72–80.
- Паин Э., Федюнин С. Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. – М.: Мысль, 2017. – 266 с.
- Пантин В.И. Национально-цивилизационная идентичность и политические трансформации в современном мире // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / под ред. И.С. Семененко. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 114–132.

- Петросян Д. И, Свинцов И.В. Россияне и соседние народы: равноправие и добро-соседство или постимперский синдром // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. № 23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке): материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю.Г. Чернышова. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2007. – Режим доступа: <http://politprosvet.narod.ru/Articles/Beztemi/Beztemi.htm> (дата посещения: 30.10.2021).
- Подвинцев О. Постимперская идентичность // *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь мир, 2017. – С. 358–362.
- Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции / под ред. М.В. Назукиной, О.Б. Подвинцева, Н.А. Коровниковой. – Пермь: ООО «Печатный салон «Гармония», 2014. – 128 с.
- Самаркина И.В. Политика памяти и исторический нарратив // *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь мир, 2017. – С. 666–671.
- Саркисян О.Л. Армянская идентичность: проблема синтеза моделей «культурно-исторической» и «государственной» нации // *Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации*. Материалы международной научной конференции. – Ереван: РАУ, 2017. – С. 134–152.
- Сургуладзе В. Национальное самосознание между постимперским синдромом и синдромом жертвы // *Вестник Пермского университета. Политология*. – 2015. – № 2. – С. 56–74. – DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2015-2-54-72>
- Тихонова Н. Постимперский синдром или поиск национальной идентичности // *После империи* / под общ. ред. А.М. Клямкина. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. – С. 156–176.
- Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: Наука, 2013. – 649 с.
- Торогальдиева Б.М. Формирование гражданской идентичности в полиэтническом кыргызстанском обществе // *Развитие территорий*. – 2017. – № 1 (7). – С. 12–16.
- Тощенко Ж.Т. Манкуртизм как деформация исторического сознания // *Социология власти*. – 2010. – № 1. – С. 6–18.
- Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: Академкнига, 2003. – 592 с.
- Якубова Н.Ш. Кризис идентификации в переходный период развития общества: опыт Азербайджана // *Идеи и идеалы*. – 2019. – Т. 11. – № 4, ч. 2. – С. 443–453. – DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-443-453>